

Автор предупреждает, что все герои этого произведения являются вымышленными, а сходство с реальными лицами и событиями может оказаться лишь случайным.

Глава 1

Мы делили в суде kota. То есть это я пришла делить kota. В иске фигурировал еще недостроенный особняк, в который мы собирались переезжать. Хотя, если подумать, я не хотела никуда переезжать из своей любимой квартиры. Меня устраивал гостевой брак. У меня не было имущественных претензий к Косте. Хотя кот тоже считается имуществом. Но это личность! И я его не отдам. Даже Косте. Я его никому не отдам. А уж чтобы Филя жил с какой-то неизвестной бабой... Нет, нет и нет.

И Филя — это память о Косте. О нашем знакомстве. Мы познакомились благодаря Филе. Он — это то единственное, что осталось у меня от Кости.

Я вообще не понимала, что с Костей, моим мужем случилось. То есть теперь уже бывшим мужем. И этого не понимал никто из нашего окружения — ни его друзья, ни музыканты его группы, ни мои подруги, ни его мать, ни его сын, ни его первая теща, ни моя дочь. Вообще-то вердикт был вынесен практически единогласно: «Эта тварь (гадина, хищница, возможны и другие варианты, включая непечатные) его приворожила». Хотя я человек сугубо прагматичный, но была вынуждена тоже склониться к этой версии. Возможно, гипнотизировала, что-то подмешивала, может, использовала какую-то технику, чтобы влиять на подсознание. Сейчас же столько всего изобретено, в част-

ности доморощенными Кулибиными! И какая-нибудь «ведьма» вполне может использовать некий аппарат, воздействующий дистанционно. Я не знаю!

Костя вдруг изменился. Я не понимала, что происходит. Мы никогда не жили постоянно в одной квартире, все время перемещались — иногда ночевали у него, но гораздо чаще у меня. У меня несовершеннолетняя дочь, животные и цветы. Потом Костя решил строить загородный дом — в любом случае надо было куда-то вложить деньги. А зарабатывает он очень прилично — и в частности это (в дополнение к известности) всегда тянуло к нему женщин. И тянуло хищниц, одной из которых и оказалась Лиля.

Костя говорил, что в доме места должно хватить всем — и нам, и нашим родственникам, если пожелают жить с нами. По крайней мере, у каждого будет своя комната, если захотят переночевать. А у Кости будет своя студия звукозаписи. У меня — оранжерея. И мы сможем еще подобрать бездомных животных и дать им дом. Вон у одного из певцов вроде сорок кошек проживает в загородном особняке. Сорок — это, конечно, перебор, но пять мы точно сможем взять. Ведь их же не только накормить надо. Животным еще требуется внимание и общение с хозяевами. А если учесть, что у меня в квартире, кроме Фильки, живут еще две пушистые дамы (которых Филька гоняет в хвост и в гриву)...

Но это я отвлеклась. Не будет особняка. То есть наверняка будет и в нем будет хозяйничать Лилечка. Она будет оформлять его по своему вкусу. Пусть делает все, что хочет. Ведь это явно она накрутила Костю, чтобы делил со мной дом, а Костя вписал в иск кота. Или это Лилечка решила сделать мне больно? Еще одну маленькую пакость добавить? Мало ей, что она у меня мужика увела.

Костю материальное вообще всегда мало интересовало. Хотя он очень рано начал зарабатывать музыкой. Деньги легко приходили и легко уходили. Купил квартиру, потом другую, квартиру сыну от первого брака. Что-то было надо — покупал. Машины часто менял. Чтобы ездить на ней было удобно, чтобы по любым дорогам могла пройти, за престижем никогда не гнался. Его это не волновало! Ему просто должно быть комфортно. Во всем и везде — в одежде, которая на нем надета, на диване, на котором он лежит, в комнате, где этот диван стоит. Еда должна быть вкусной, сытной, но без изысков. На всю новомодную дрянь ему всегда было плевать. Фуа-гра ел, потому что вкусно, он вообще печень любит — куриную, говяжью, жареную, тушеную, домашний и даже покупной паштет из одного магазина рядом с моим домом. Но он всегда должен знать состав того, что ест. Он не станет есть никакую экзотику. Он мне рассказывал, как их с музыкантами в одном из крупных российских городов пригласили в очень модный в том городе фьюжн-ресторан. Вообще фьюжн-кухня — это кухня, сочетающая элементы различных кулинарных традиций. На Российской земле в таких ресторанах можно встретить очень странные «инновации». В таких местах, как Калифорния, фьюжн-кухня — это часть культуры. Вообще в любом месте, где много мигрантов, обязательно будет фьюжн-кухня и фьюжн-культура. Но у нас не надо ждать сочетания, например, узбекских и русских традиций в одном блюде. У нас во всем и всегда свой путь.

В том ресторане, про который мне рассказывал Костя, подавали каши. Но все каши были с какими-то морскими гадами. Пшенная с крабами, гречневая с креветками, рисовая с мидиями и так далее. Костя любит каши, он — единственный мой знакомый мужчина, который их любит. И я по вечерам варила пшенную

или гречневую, закутывала кастрюлю в одеяло, чтобы каша дошла к утру. И дочь стала есть каши, глядя на Костю. До этого выпендривалась. Каша — фу... Костя вообще хорошо на нее влиял. Хотя раньше мужика у нас в доме не было.

И ест он, только когда захочет. Костя не понимает, что такое завтрак, обед и ужин. Он — творческая личность. Он может писать стихи и музыку до утра, потом в восемь утра поужинать и лечь спать. Встать в пять вечера или в шесть, позавтракать, поехать давать концерт, отыграть, побузить, потом снова писать музыку. Или просто гулять до утра. У него нет режима дня. Никакого. И никогда не было. За появлением на концертах вовремя следит помощник продюсера. Собирает всех музыкантов и привозит, куда нужно. И они мгновенно мобилизуются на сцене. Еще они могут два-три дня снимать клип... Это отдельная история, о ней как-нибудь в другой раз.

— Наталья Геннадьевна, вы претендуете на недостроенный дом планируемой площади одна тысяча двести... — вывела меня из размышлений судья.

— Нет, не претендую, — сказала я. — Мне не нужен дом. Мне нужен кот. Кота не отдам.

— Наташа, — вдруг каким-то робким голосом произнес Костя.

Я посмотрела на бывшего. И мне показалось, что у него словно что-то замелькало в глазах — будто быстро-быстро прокручиваются кадры.

— Я не отдам тебе кота, Костя. Твой особняк мне не нужен. У меня нет к тебе имущественных претензий. У меня вообще нет к тебе претензий. Я была с тобой очень счастлива. Это были самые счастливые два с половиной года моей жизни.

— Так и мне никакой особняк не нужен, — сказал Костя. — Мне ты нужна, Наташа.

— Господи, проснулся! — подала реплику све-
кровь. — Впервые нормальную женщину встретил, так
нет, развелся с ней, а теперь еще имущество делит. Где
твоя совесть? Не ожидала от тебя, сынок. Всем бабам
все оставлял, а с Наташей решил имущество делить?
Позор!

— Я делю имущество с Наташей? Я развелся с На-
ташей? — Удивление на Костином лице было искрен-
ним. — Наташа, что мы с тобой здесь делаем?! Мы
сейчас где?!

Судья странно посмотрела на Костю. Зал был забит
до предела. Пришли Костины музыканты, обслужива-
ющий персонал и продюсер, его мать, его первая теща,
его сын и моя дочь. И еще были полчища журналистов
и Костиных поклонников и поклонниц. Поклонни-
цы, возможно, хотели убедиться, что известный рокер
опять становится свободным мужчиной. Правда, с Ли-
лечкой им, думаю, ничего не светит.

Костя смотрел на всех этих людей и явно не пони-
мал, где мы все находимся и с какой целью собрались.
Хотя наличие такого количества публики и журнали-
стов не являлось для него ничем из ряда вон выходя-
щим. Это было нормальное рабочее явление.

— Константин Алексеевич, вы подали иск в суд, в
котором изложили ваши имущественные претензии к
вашей бывшей жене Наталье Геннадьевне Толстовце-
вой, — заговорила судья.

— У меня нет к Наташе никаких претензий, — объ-
явил Костя. — И как это бывшей жене? У меня одна
жена — Наташа. Вот она. — Он кивнул на меня.

— Вы официально развелись, — напомнила судья
и назвала дату. — Вы готовы отдать особняк Наталье
Геннадьевне?

— Конечно, — сказал Костя.

— Он мне не нужен, — одновременно сказала я.

— А кота готовы отдать? — продолжила задавать вопросы судья.

— Зачем его отдавать? — не понял Костя. — Филька наш общий кот. Мы его вместе спасли. Я не понимаю, о чем вы меня спрашиваете.

— Константин Алексеевич, вы делите имущество с вашей бывшей женой.

— Как бывшей? Я не разводился с Наташей!

Я на той процедуре не присутствовала. Не видела смысла. Я просто подписала все документы. И на момент развода имущественных претензий у Кости ко мне не было. Общих детей мы не нажили, про особняк я тогда вообще не думала. Да, ушел к другой женщине. Не он первый, не он последний. А уж рокеры и прочие творческие люди вообще могут жениться по пять-шесть раз, и это не предел. Я не стала бороться, хотя все мое окружение и его окружение убеждало меня это делать. Насильно мил не будешь. «Только ты можешь его спасти», — сказала мне рыдающая у меня на кухне свекровь.

Но я не стала унижаться. Я считаю унижительными попытки вернуть мужчину, который ушел. Не важно — к другой женщине или просто от тебя. Но мужики обычно уходят к другой женщине. Или возвращаются к маме. Костина мать ко мне очень хорошо относилась. Относится. Хотя ей есть с кем сравнивать... До меня Костя был женат один раз, в девятнадцать лет «по залету». Ему едва исполнилось двадцать, когда родился сын. К отцовству он тогда готов не был. В двадцать три он стал вдовцом. Я не знаю деталей, только что у жены развилась какая-то болезнь. Диагностировали поздно, лечения вроде нет нигде в мире, да и тогда денег точно не хватило бы, не уверена, что хватило бы на лечение и при нынешних его заработках. Костя ушел в запой, принимал, нюхал или колол какую-то дурь, но смог

взять себя в руки. Как он мне рассказывал, ему приснилась умершая жена и сказала: «Что же ты делаешь со своей жизнью? А наш сын? А музыка? Я не могу *отсюда* на тебя смотреть».

И Костя завязал. Нет, выпить он, конечно, не дурак, но норму свою знает. Никаких наркотиков он больше не употреблял никогда. Сам, добровольно не употреблял.

Но что с ним творила Лиля?!

— Я не мог развестись с Наташей, — твердым голосом объявил Костя судье. — Она моя жена. Я ее люблю. Я хочу встретиться с ней старость! Я хочу умереть с ней в один день.

— Прозрел наконец, а то мы все за головы хвататься, я последние волосины выдернул, — произнес с неподражаемым еврейским акцентом продюсер Александр Моисеевич и провел рукой по абсолютно гладкому загорелому черепу, на котором волос не было уже в день нашего с ним знакомства.

— Наташа, когда и где мы развелись? — спросил Костя.

Я ответила, что на развод не ходила. Ко мне домой приехал адвокат, как я поняла — присланный Костей. За меня даже госпошлину оплатили. Потом какой-то молодой человек привез мне домой свидетельство о расторжении брака. Вроде нас развели в каком-то отделении ЗАГСа. Меня подобный вариант очень устроил. Хотя, конечно, я не хотела разводиться с Костей. А сегодня я лично пришла в суд, потому что кота Косте отдавать не собираюсь. С особняком он может делать все, что хочет. Квартира была у меня до заключения брака, как и машина. У Кости аналогичная ситуация.

Костя повернулся к адвокату, представлявшему его интересы.

— Вы подписали бумаги, Константин Алексеевич, — пожал тот плечами.

— Я не мог этого сделать!

— Мог, не глядя, — сказал Александр Моисеевич.

— Эта шалава тебе их подсунула, ты и подмахнул, — высказала свое мнение свекровь.

Все заговорили одновременно. Музыканты кричали, что видели, как с Костей происходило что-то не то. Продюсер заявил, что после расставания со мной Костя ничего даже просто приемлемого написать не смог. Свекровь повторяла, что все глаза выплакала и не знала, что делать, ее полностью поддержала первая Костина теща, которая, как оказалось, успела сходить к гадалке, и та ей однозначно заявила: приворожили мужика.

— Папа, снова женись на тете Наташе, — подал голос Родион. — А то вы тогда просто зашли в ЗАГС, расписались и дальше поехали по своим делам. Давайте все погуляем на свадьбе.

Эта идея была воспринята «на ура» всеми гражданами, собравшимися в зале суда. Журналисты уже явно собирались оповещать свои редакции о развитии событий при дележе имущества, которое, похоже, перерастет в свадьбу. Поклонники (из правоохранительных органов и простые граждане) что-то строчили в телефонах, вероятно, информировали знакомых, которые не смогли приехать на шоу или им просто не нашлось места в зале. Все происходящее народ снимал на телефоны, журналисты еще и на профессиональные камеры.

— Так, Наталья Геннадьевна, Константин Алексеевич, вы что-нибудь делить собираетесь из совместно нажитого имущества? — спросила судья. — Ваше совместно нажитое имущество — это недостроенный загородный дом и кот, так?

— Все, что у меня есть — Наташино, — сказал Костя. — Нам нечего делить.

— Ты свои лучшие песни написал, пока с Наташей жил, идиот, как можно было такую женщину упустить или почти упустить, променять на эту... прости господи, — выдал Александр Моисеевич.

— Да я думала, что наконец могу умереть спокойно, — вставила свекровь.

— Наталья Геннадьевна?

— Кот мой, остальное меня не волнует. Я не позволю, чтобы мой кот жил с твоей новой бабой.

— Кот наш общий, — поправил меня Костя, потом пораженно посмотрел на меня. — Какой новой бабой?

— Да той, которая тебе голову задурילה, — заорала Костина мать. — Которая тебя накрутила в суд подать — с Наташей развестись и еще имущество делить. Все ей мало, ненасытной!

— Я не мог этого сделать, — повторил Костя, на этот раз очень тихо. Все это время он неотрывно смотрел на меня. Выражение его глаз менялось каждую секунду. Мне показалось, что он снова начинает смотреть на меня так, как раньше, — с любовью, идущей от самого сердца.

Потом Костя вдруг вышел вперед, развернулся и бухнулся передо мной на колени на радость всему честному народу. — Наташа, выходи за меня замуж, а? За дурака. Наташа, Родион правильно сказал. Отметим свадьбу. Все погуляем. Наташа, прости меня. Наташа, я люблю только тебя.

— Константин Алексеевич, встаньте! — закричала судья.

— Не встану, — ответил Костя.

— Я вас сейчас оштрафую!

— Штрафуй, — сказал Костя, даже не поворачивая головы (он стоял к ней спиной). — Только дай мне любимой женщине сказать, как я ее люблю.

Зал разразился аплодисментами. Никто явно не ожидал такого шоу. Судья рассмеялась и подперла щеку кулачком. Наверное, ей тоже хотелось, чтобы любимый мужчина (пусть и не рок-звезда) говорил ей то, что говорил мне Костя. В этом зале, занимаясь делами о разводах и разделе имущества, она обычно слышала совсем другие вещи. А у нас получалось приятное разнообразие.

— Давайте-ка вы прямо сегодня в ЗАГС проедете, — вдруг подала голос свекровь. — Вот прямо отсюда. Сейчас мальчики из милиции-полиции, из суда кто-нибудь позвонят и попросят, чтобы вас сразу расписали.

— Бабушка, что ты такое говоришь? — почти хором произнесли моя тринадцатилетняя дочь и Костин сын Родион.

Дети хотели настоящую свадьбу.

— А мы с Полиной Петровной сейчас возьмем ребят из милиции-полиции и еще вон Васю и поедем высеять эту шалаву из Костиной квартиры. Чтобы духу ее там не осталось. Погуляете потом. Или сегодня. А лучше и сегодня, и потом. Но с этим делом нужно закончить раз и навсегда! Сегодня! Чтобы духу этой Лильки в твоей жизни не осталось!

Вася — это барабанщик из Костиной группы, самый мощный внешне из музыкантов. Он мгновенно выразил готовность составить компанию Костиной матери в таком благородном деле. Сотрудники правоохранительных органов, присутствовавшие в зале (как я поняла, по велению души, а не профессиональной необходимости), как один согласились помочь в на-

ведении порядка в личной жизни рок-звезды. Если в личной жизни каких-нибудь рок-звезд вообще возможно наведение порядка.

— Так, дамы, господа, секундочку, — послышался низкий хорошо поставленный мужской голос, который его обладатель вроде даже не повышал, но он разнесся по всему залу, дошел до всех уголков и каждого присутствовавшего человека.

Оказалось, что нас уже какое-то время слушает председатель суда, тоже большой поклонник Костиного таланта. Сколько у Кости поклонников! Я всегда этому поражалась. Мне самой медведь на ухо наступил. Но Костины песни — это в первую очередь тексты. И эти тексты берут людей за душу. Я сама рыдала, когда просто прочитала текст песни, которую он написал в двадцать три года после смерти жены. Крик души, одна сплошная боль, открытая рана, на которую сыпется и сыпется соль...

Его музыканты говорили мне, что самые радостные песни он написал после встречи со мной. В его текстах появился совсем другой дух. Было видно, что он счастлив. А после встречи с Лилькой эта радость ушла. Да и он вроде написал всего две песни, и народ их не принял. То есть они не звучали из каждого утюга, как предыдущие, я даже расстроилась, прочитав комментарии.

Еще он частенько высказывается на политические темы, на злобу дня — по любым вопросам, у него много стеба, он просто развлекается. Он сам говорил, что никогда не знает, что его может подвигнуть на написание текста. Вначале всегда текст, а потом он слышит музыку. Слова порождают музыку, соединяются, сливаются с ней — и получается нечто единое.

Тем временем председатель суда, которого звали Виталий Иванович, представился всем присутству-

ющим (тем, кто его не знал) и объявил, что сделал вполне определенный вывод из услышанного: на Константина Алексеевича Мартянова как-то воздействовали. Вероятнее всего, некие действия производились регулярно, от чего он был сам не свой, совершал нетипичные для себя поступки и сейчас не может поверить, что их совершил.

— Так?

Виталий Иванович посмотрел на Костину мать, потом на продюсера, музыкантов, сына. Все кивнули.

— И никому из вас не пришло в голову отвести Константина Алексеевича к врачу, чтобы хотя бы сдать кровь?

— А вы попробуйте его куда-нибудь отвести, — хмыкнула Костина мать.

— Не только попробую, а отведу прямо сейчас, — объявил Виталий Иванович. — Хотя, конечно, раньше надо было. Сейчас, как я понимаю, пелена спадать начала. Кровь надо сдать обязательно. И волосы на анализ. В волосах всякая дрянь дольше всего задерживается.

В качестве примера Виталий Иванович привел эксгумацию тела Елены Глинской, матери Ивана Грозного, через несколько столетий после смерти. Современные ученые смогли доказать то, что люди подозревали с момента ее смерти. Соли ртути все еще оставались в волосах.

— А завтра я лично отвезу Константина Алексеевича к очень хорошему гипнологу, — добавил председатель суда.

Костя, который так и стоял на коленях передо мной, попытался влезть с комментариями.

— Константин Алексеевич, вы — наше национальное достояние. И все присутствующие и не только присутствующие в здании подведомственного мне суда

хотят, чтобы вы и дальше радовали нас своим творчеством. — Виталий Иванович посмотрел на меня. — Как я понимаю, вас он может послушать, если вообще кого-то слушает?

— Дайте мне сделать любимой женщине предложение! — заорал Костя.

— Делайте, и идем в лабораторию. Людочка, я тебя вроде тут где-то видел?

— Я здесь! — крикнула Людочка.

Виталий Иванович дал ей какие-то непонятные мне указания и велел результаты Костиных анализов завтра отдать ему лично в руки.

— Нас во Дворце ждут через два часа, — крикнул гитарист Юра от двери. Он вроде выходил?

Все собравшиеся посмотрели на него.

— Во Дворце бракосочетаний, — пояснил он. — У них там окно.

Народ разразился долгими продолжительными аплодисментами.

— А платье? — спросила моя тринадцатилетняя дочь Юля. — Опять без платья? Опять мы пошли за картошкой, зашли в ЗАГС и дальше пошли за картошкой?

Именно так она описывала наше первое бракосочетание. Возможно, услышала от кого-то из взрослых. Но суть передала правильно.

— Наташа, я куплю тебе любое платье, какое ты захочешь.

— Мне не нужно платье, Костя, — сказала я. — Мне ты нужен.

— Вот поэтому я и хочу на тебе жениться! — заорал Костя.

Грохнули аплодисменты.

Глава 2

Конечно, я сказала «да».

Опять последовали бурные продолжительные аплодисменты. Люди, похоже, решили, что попали на бесплатный концерт, и мы тут даем представление. Хотя я сама, признаться, ничего подобного не ожидала. Я думала, что мы расстались навсегда... Я знала, что мне будет больно видеть Костю, я поехала в суд, только чтобы не отдать ему Фильку. Но я и предположить не могла, что все так обернется!

Потом командование парадом взяли в свои руки Виталий Иванович и Костина мать, которые мгновенно поняли друг друга. Костина мать вместе с его первой тещей, с которой они дружили много лет, в сопровождении барабанщика Василия и внушительного количества сотрудников правоохранительных органов (не знаю, из каких ведомств и подразделений, хотя какая разница?) и части журналистов отправились высылать Лильку из Костиной квартиры. Виталий Иванович велел собрать в пакет все лекарства, которые только найдутся в доме, и сегодня же передать ему, потом рекомендовал квартиру запереть и в нее до его особых указаний не входить. Завтра он еще «специалистов» туда отправит.

— Константин Алексеевич, вы сейчас идете со мной сдавать кровь и волосы на анализ.

— А Наташа...

— А Наталья Геннадьевна едет покупать платье. Вы как раз успеете зайти в салон и купить себе костюм. Тут у нас неподалеку есть очень неплохое заведение, и все присутствующие помогут с выбором. А завтра, Наталья Геннадьевна, я жду вас вместе с Константином Алексеевичем у себя в кабинете. — Председатель суда вручил мне визитку, потом посмотрел на судью. —

И вам еще документы нужно будет подписать. Подготовишь к завтрашнему дню?

Судья кивнула.

— Посмотрим, что анализы крови и волос покажут, а потом отвезем Константина Алексеевича к гипнологу, как я уже говорил.

— Я... — открыл рот Костя.

— Папа, не спорь, все правильно, — вставил Родион. — С тобой что-то было не так.

— Но почему вы все ничего не делали?! — воскликнул председатель суда.

— Он не ходил как под кайфом, — пояснил продюсер Александр Моисеевич. — Он даже как пьяный себя не вел. Он не смотрелся больным. Он просто... расстался с Наташей. Я решил, что Наташа его выгнала за какой-то косяк. Сам он от Наташи уйти не мог. А Наташа могла не простить... что-то. Грустный был какой-то. Мы вначале не знали, что они больше не вместе. Ну а потом решили, что он ходит как в воду опущенный из-за расставания с Наташей.

— Мы все были в шоке, — вставил гитарист Юра. — Они были так счастливы. Мы не понимали, что у них произошло, ну и не лезли. Зачем лезть к человеку в душу, если ему и так плохо?

— А сейчас оказывается, что он даже не помнит, что с Наташей развелся... — задумчиво произнес барабанщик Василий, потом посмотрел на председателя суда. — У нас не было оснований вести его сдавать кровь, подключать каких-то специалистов...

— Он просто прекратил к нам приезжать, а мама прекратила ездить к нему, — пояснила моя дочь. — А то сидели по вечерам на кухне и за ручки держались. — Она широко улыбнулась, потом стала серьезной. — А потом раз — и все. И вдруг бабушка приехала.

Юля очень быстро стала называть бабушкой Костину мать. Мои родители погибли еще до Юлькиного рождения. Я родила ее от женатого мужчины, с которым у меня случился мимолетный роман. Я забеременела и поняла, что если не рожу сейчас, то не рожу уже никогда. Его мать, вероятно, и не знает о существовании этой внучки. Он появляется у нас несколько раз в год — в районе Юлькиного дня рождения и моего, не факт, что в сами эти дни. Когда может вырваться. Еще поздравляет нас с Новым годом и Восьмым марта. Юлька это положение вещей воспринимает вполне нормально — все подружки живут с мамами, бабушками или отчимами. Вроде ни одна семья не сохранилась. Но у всех есть еще родственники, а не одна мама. У нас только дальние. И Юльке хотелось кого-то. Да и Костина мать не возражала. Ей тоже хотелось внучку, и она явно надеялась, что мы с Костей заведем общего ребенка.

— Бабушка рассказала, что в Костиной квартире это чудище поселилось. Бабушка начала Костю спасать. И нас пыталась подключить.

— Вы не вместе проживали? — посмотрел на меня Виталий Иванович.

Я покачала головой. Мы встретились уже взрослыми людьми. Мне было тридцать восемь, Косте — ровно сорок. За спиной был багаж прошлых отношений, дети, сложившаяся жизнь. Костя творил в своей квартире, а я — в своей. Я развожу кактусы и алоэ. У себя в квартире развожу. Мы с Юлькой живем в трехкомнатной квартире с двумя смежными и одной изолированной комнатами. В изолированной — Юлька. Ну а я со своей оранжереей — в двух смежных. На кактусы и алоэ больше спрос, они не требуют серьезного ухода. У меня есть свой сайт, через который я продаю свои растения и консультирую. Реклама дает дополнитель-

ный доход. Но я рекламирую только товары «в тему». Никаких памперсов и крема для лица вы у меня не увидите. Еще я продаю фотографии на стоках. Иногда за них можно получить очень хорошие деньги. Их покупают дизайнеры, редакторы, блогеры со всего мира. Некоторые уже пишут прямо мне, если требуется что-то из «моей» тематики. Еще я веду два аккаунта в Инстаграме от салонов цветов. Два-три раза в день нужно выкладывать фото с подписью, отвечать подписчикам и покупателям что-то типа: «Мы рады, что вам понравилось». Изображения для аккаунтов предоставляют сами салоны цветов. Они также реализуют мои алоэ и кактусы. Я не могу их все держать у себя дома, поэтому некоторые живут и размножаются в этих салонах, я туда регулярно навещаю, все проверяю, все осматриваю.

Я занимаюсь тем, чем хочу заниматься. И я в своей семье такая не первая. У многих моих предков были «зеленые руки». Благодаря им помещика — владельца оранжереи под Петроградом (которая принадлежала моим предкам на протяжении нескольких поколений) не расстреляли. В Петрограде был голод, а он знал, как даже зимой выращивать свежие овощи и фрукты. Да и к крестьянам своим всегда относился хорошо. Они все занимались одним делом и были им увлечены. В общем, красные комиссары тоже хотели есть. Хотя потом земли были национализированы, но колхоз работал и в советские времена и занимался тем же самым. А сейчас там фермерское хозяйство, которым управляет мой дальний родственник. Мы с Юлькой ездим к нему иногда в гости.

У Кости же была квартира в старой части Санкт-Петербурга, в доме аж восемнадцатого века с толстыми стенами, с лепниной, работающими печами, каминами и изразцами. Он купил ее у вдовы недавно

умершего бизнесмена. Тот скончался скоропостижно. Доказать злой умысел не удалось. Проблемы с сердцем у него уже были, но с такими проблемами можно прожить до глубокой старости при правильно подобранной терапии и внимательном отношении к своему здоровью. Он регулярно проходил медосмотры, принимал прописанные лекарства, витамины, БАДы. А тут раз — и остановка сердца. Жена оплатила какую-то очень дорогую экспертизу, чтобы хотя бы получить ответ: своей смертью умер или нет. Вроде своей. Случается такое у мужиков в его возрасте. И он, и жена были Костиными поклонниками, и она продала квартиру ему, хотя были еще претенденты. Толстые стены позволяют Косте спокойно музицировать, не опасаясь недовольства соседей.

Мы ночевали в основном у меня. Я уже вроде бы говорила. Но не только из-за дочери, котов и цветов. У Кости всегда такой бардак... От него уходили все домработницы. Его мама время от времени приглашала какую-то узбечку, которая приводила Костину квартиру в относительно приемлемое состояние (не прикасаясь к «музыкальной части» — это Костя запрещал категорически). Она вытирала пыль, мыла полы и окна, собирала и стирала все разбросанные по квартире вещи. Костю никогда не волновали ни пыль, ни бардак. Он вообще полный пофигист.

* * *

— Так, все будем обсуждать завтра, — объявил Виталий Иванович. — Наталья Геннадьевна, идите выбирать платье. Мы с Константином Алексеевичем к вам присоединимся после того, как он сдаст кровь и волосы. Тут все в пешей досягаемости.

И завертелась круговерть.

Я не хотела длинное платье, не хотела пышную юбку. Мне не восемнадцать и даже не тридцать. Мне сорок один, и я выхожу замуж в третий раз, второй — за Костю. Я помнила предыдущий раз... Свой первый брак вообще не хочу вспоминать. Ошибка молодости.

— Слушай, давай распишемся? — вдруг сказал Костя как-то вечером. На колени не падал, колец не дарил. Может, он что-то позже планировал, наверное, планировал, но на следующий день после нашего похода в ЗАГС трагически погиб звукоинженер из их группы, и ни о каком торжестве не могло быть и речи. Да и мне оно было не нужно.

Я взяла платье, которое в салоне предлагалось как «платье свидетельницы» — цвета «слоновая кость», до колена, простой крой, плотная ткань, названия которой я не знала, но гладкие строгие линии, которые я люблю. К нему еще прилагался пиджачок. То, что надо! Нашлись босоножки на маленьком каблучке.

— А прическа? А макияж? — слышалось со всех сторон.

У меня выются волосы крупными локонами и особого ухода не требуют. На суд я завязывала их в хвост, тут просто распустила. Одна из сотрудниц салона немного поработала над ними щеткой.

— Давайте яркой помадой просто подчеркнем губы? — предложила еще одна. — И чуть-чуть румян? Садитесь. Пять минут! Вы все успеете!

Тут появился Костя, которому из соседнего магазина принесли костюм и ботинки. Нашу повседневную одежду мы сложили в пакеты и бросили в наши машины, а потом целой кавалькадой поехали к Дворцу бракосочетаний. Возглавляли процессию машины ГИБДД. Откуда-то еще появилась Росгвардия, несколько машин полиции и Следственного комитета. Вроде еще приставы были? Или они все поехали высе-

лять Лильку? В общем, нам уступали дорогу. За рулем моей машины сидел Родион, мы с Юлькой сзади, дети постоянно хихикали. Кстати, они очень быстро начали вести себя как брат и сестра. Юлька всегда хотела старшего брата (но не хотела никого младшего), а Родион хотел младшую сестру. В общем, нашли друг друга.

— Как ты думаешь, Лильку посадят? — спросила моя дочь у Костиного сына.

— Смотря что у отца найдут, — ответил Родион. — Но народ из органов настроен серьезно, как я понял.

— А зачем тогда бабушки поехали ее выгонять? Ведь сбежит же. Потом не найти.

— Ты видела, с каким сопровождением туда поехали бабушки?! — воскликнул Родион. — Бабушки просто хотят ее выгнать. А все эти люди, которые регулярно занимаются расследованием преступлений, просто так ее на все четыре стороны не отпустят. Ты что? Может, уже сегодняшнюю ночь проведет в следственном изоляторе.

— Вроде бы для этого нужно постановление суда. Или прокуратуры? — квакнула я с заднего сиденья.

— Из суда там люди точно есть. И из Следственного комитета. Они лучше нас знают, что нужно и как все оформить. И они же присутствовали сегодня в зале суда, когда отец очнулся! Они же своими глазами видели, что с ним что-то не так. Я думаю, что будет очень серьезное расследование.

— Родион, а что ты видел? У него изменилось поведение?

— В том-то и дело, что нет. Люди в суде все правильно говорили. Александр Моисеевич, Юра, Вася. То есть он грустный был. Он с вами был радостный и счастливый, тетя Наташа. А потом... Ну зачем спрашивать у мужчины, которому и так плохо, почему он

расстался с женщиной, с которой ему было хорошо? Никто и не спрашивал.

Родион звал меня тетей Наташей, хотя я говорила ему, чтобы звал просто Наташей. А Юлька с самого начала звала Костю просто Костей. Он не возражал.

— Мама, а тебе он что сказал?

— Что больше ко мне не приедет.

У меня на глаза навернулись слезы. Хорошо, что у меня не наложен профессиональный макияж! Вообще глаза не накрашены. Губы и скулы не потекут. Я же ехала делить кота в суде с Костей!

— Лично? — уточнил Родион.

— По телефону.

Костя не появлялся и не звонил два дня. Я забеспокоилась и позвонила сама. Он и раньше пропадал и просто забывал позвонить. Вначале он не брал трубку, а потом сказал, что все...

У меня тогда свет в глазах померк. Он на развод подал. Я ничего не понимала! Я не понимала, в чем провинилась, но, как уже говорила, отношения выяснять не поехала. Я пыталась себе говорить, что он творческая увлекающаяся личность...

Но Костина мать сразу поняла, что дело нечисто.

* * *

У Дворца бракосочетаний собралась немыслимая толпа. Где тут припарковаться?! Родион сказал, что найдет место «где-нибудь поблизости» и присоединится к нам уже в зале. Я думала, что «зайчика» словлю от такого количества вспышек.

К машине подошел Костя в сопровождении музыкантов и Александра Моисеевича, подал руки нам с Юлькой.

Все прошло как в тумане. Свидетелями выступали наши дети. Я не знала, можно ли Юльке быть свидетельницей, но оказалось, что можно, или для нас сделали исключение. Это вообще был день сплошных исключений, личных контактов, личных договоренностей. Столько людей хотели нам помочь! То есть, конечно, хотели помочь Косте...

Люди аплодировали, люди радостно кричали, смеялись, нас поздравляли, нам желали счастья и долгих-долгих лет совместной жизни.

А потом все резко оборвалось.

Я видела, как меняется выражение лица у Виталия Ивановича. Я не могла слышать, что ему говорили по телефону, но говорили что-то ужасное. Он слушал и смотрел на нас — на меня и на Костю, потом только на Костю.

Затем стал протискиваться к нам.

Костя тоже быстро понял, что что-то не так.

— Сейчас едем к вашему дому, Константин Алексеевич, — объявил Виталий Иванович. — Рассаживаемся по машинам и... Вы вдвоем лучше ко мне сядьте.

— Тетя Наташа, я привезу Юлю на вашей машине, — сказал Родион.

— Юлю лучше отвези домой, — велел ему Виталий Иванович. — И ждите тетю Наташу дома. У вас дома. — Он посмотрел на мою дочь.

— Мама, тебе переодеться нужно будет? Твои вещи, твоя сумка...

— Да, нужно, — кивнул Виталий Иванович. — Родион, где машина?

Мы пошли к моей машине, там Костин сын вручил мне пакет с вещами, в которых я приехала в суд делить имущество, усадил Юльку в машину и увез. Юлька велела позвонить, как только смогу. Она умная девочка. Она ни о чем не спрашивала Виталия

Ивановича. Она понимала, что ей сейчас никто ничего объяснять не будет.

Мы же с Костей последовали за Виталием Ивановичем к его машине, в которой за рулем сидел шофер. Виталий Иванович устроился на переднем месте пассажира, мы с Костей — сзади. Народ, прибывший к Дворцу бракосочетания, по большей части не понимал, что происходит — только сотрудники правоохранительных органов и ушлые журналисты, которые внимательно следили за происходящим, не упустили изменения в выражении наших лиц. Александр Моисеевич тоже быстро сообразил, что планы меняются, успел спросить «Куда едем?», и они с членами Костиной группы расселись по машинам. Основная масса поклонников за нами не поехала. Все сделали фотографии, многие сняли ролики, а теперь, вероятно, решили, что мы едем отмечать радостное событие и просто не можем пригласить всех.

Из дневника Елизаветы Алексеевны, 1820 год

Я беременна. Все-таки это случилось. Я была очень осторожна. Я считала дни, но... Это не должно было случиться! И если бы я точно знала, от кого из них двоих...

Понятно, что не от мужа. Муж то ли в Англии, то ли во Франции. В общем, в Европе с какими-то секретными поручениями. Я точно не знаю, чем он занимается, но догадываюсь, что состоит он на секретной службе и отчитывается прямо перед нашим императором Александром Павловичем. Или, может, перед кем-то, наиболее приближенным к императору. Но во дворец он вхож. И мне с ним там доводилось бывать. Правда, вхож он

как герой Нашествия двенадцати языков¹ — это когда Наполеон вторгся на территорию России со своей многонациональной армией в 1812 году. То есть все его знают, как героя войны между нами и Францией. И мой любимый старший брат тоже герой этой войны. Он и познакомил меня с блестящим полковником Забелиным. Я влюбилась. До беспамятства. Брат потом говорил мне, что хотел бы, чтобы какая-то женщина смотрела на него так, как я смотрела на Забелина. Хотя женщин у брата была масса, они и довели его до...

Я пишу у него в кабинете и смотрю на него. На то, что от него осталось. Смотрю и плачу. Брата, можно считать, больше нет. Осталась одна оболочка. Лешенька... Алексей Алексеевич Свиридов, первенец и гордость наших родителей. Добрый, веселый, замечательный человек. Если бы Лешенька сейчас пребывал в добром здравии, он бы... Он бы помог мне решить мою проблему! Он всегда мне во всем помогал!

За что мне это? Неужели я такая грешница? Я просто... люблю мужчин. Да, а почему это постыдно для женщины? Вон Леша... Но ему можно. Всем его друзьям можно. Им всем можно! Хотя мои подруги говорят про «супружеский долг», про то, какая это пытка его исполнять. И маменька мне об этом говорила перед моим замужеством. Про то, что женщина получает радость от детей, от управления домашним хозяйством. Нужно гордиться тем, что ты жена и мать. Это высшее предназначение женщины. Муж должен обеспечивать

¹ Отечественную войну 1812 года в период написания дневника Елизаветой Алексеевной называли «нашествием двенадцати языков». Двенадцать — двенадцать на старорусском. «Великая армия» Наполеона не была чисто французской, а включала представителей чуть ли не всех европейских народов. — *Здесь и далее прим. автора.*

семью, а женщина рожать ему детей. А то, что случается между мужчиной и женщиной в спальне, нужно просто терпеть.

Но я получаю радость как раз в спальне. Не обязательно в супружеской. Да, вот так! Я, конечно, не говорю об этом вслух, но сейчас-то я пишу дневник. Его не должен никто прочитать, кроме моих потомков. А потомки должны все знать. Знать свои корни. Знать, почему они получились такими, какими получились. У меня, к сожалению, нет той информации о моих предках, которую я хотела бы иметь.

Сыночек мой — это тоже, конечно, огромная радость и счастье. Свет очей моих. Но когда я была им беременная, другой радости не было. Как меня тошнило... И опять тошнит. Да я поняла, что беременна, когда у меня еще ни одной задержки не случилось! Я утром поняла, когда... И с тех пор спасаюсь только леденцами. Но и они не очень помогают. Хотя бывают хорошие дни, а бывают не очень. Нянюшка моя все давно поняла. Сразу поняла. Она всегда поможет. Она Леше всегда помогала и мне. Она всегда нас любила. Нас, но не Михаила.

И она мне все говорила правильно. Граф Никитин на мне не женится. Да даже если бы я не вышла замуж за Забелина, он на мне все равно никогда бы не женился. Не то происхождение.

Наверное, здесь стоит вкратце рассказать историю нашей семьи. Я прячу дневник. Я не хочу, чтобы его прочитал кто-то из моих родственников или слуг. Он не должен попасть в руки моих современников. Но надеюсь, что потом его прочитают мои потомки. Я уже говорила. Может, моя праправнучка? Вдруг она унаследует мою страстность, а мой дневник ей поможет строить отношения с мужчинами? Когда тетрадь закончится, я попрошу у дядьки Степана немного раствора, чтобы смазать те последние два кирпича... Сейчас их можно

выдвинуть — и я убираю дневник в свой личный тайник. Я тогда попросила брата оставить место для тайника. Мало ли что еще придется спрятать...

Поэтому я пишу только в квартире брата. Я приезжаю сюда каждый день. Я смотрю на него, пишу и плачу... Стараюсь, чтобы слезы не падали на страницы и не размазывали чернила. Вот, платочек весь промок. Но я приезжаю с запасом платочков. Сейчас достану следующий — и он тоже быстро промокнет. Но что поделаешь?

У Лешеньки, моего любимого старшего брата, на лице маска. То есть это не совсем маска... Это накладной нос. Серебряный. Своего носа у Лешеньки больше нет. На его месте зияет черная дыра. Жуткая черная дыра. Он уже не узнает меня. Он никого не узнает. Он сидит в высоком кресле за столом, на котором выложены его любимые вещи — его карманные часы, перстень, большое распятие, которое он всегда носил на груди и которое во время войны спасло ему жизнь, потому что по нему пришел вражеский удар... Еще здесь стоит его письменный прибор, лежат его чертежные инструменты, книги... В свое время доктор посоветовал сажать его каждый день за стол, на котором лежит то, что было важно для него при жизни. При активной жизни — он же еще жив! Я неправильно выразилась. Эти вещи могут помочь вернуть его «в сегодня». Но не помогают. Он вроде смотрит на них. Но не видит. Хотя если ему на лицо падает солнечный луч, он его чувствует и отворачивается. И от света отворачивается. Как я понимаю, ему больно, если свет падает ему на глаза. Но кажется, что он не понимает, когда рассветает, а когда темнеет. И это несмотря на большие окна в его комнате. И выходят они в парк. Дом стоит не у самого парка, а через улицу, по которой иногда грохочут экипажи. Наверное, вначале тут построили дома, а потом разбили парк. Я просто не знаю. Когда тепло, я открываю окно, чтобы в комна-

ту ворвался свежий воздух, запах листвы, а отсюда выветрился запах болезни. Улица, отделяющая Лешенькин дом от парка, совсем неширокая. Деревья, можно сказать, растут рядом. Весной здесь пахнет сиренью. Но открывать окно можно, только когда тепло. Лешенька очень мерзнет. А когда в нашем Санкт-Петербурге тепло? Очень недолго... Но доживет ли Лешенька до зимы? А до весны, когда зацветет сирень? Лешенька — военный инженер. Он — умница. Сколько крепостей он построил и сколько перестроил, несмотря на свои относительно молодые годы. Он изучал крепости маркиза де Вобана до войны 1812 года вместе с молодыми французскими военными инженерами, а потом они оказались по разные стороны баррикад. Лешенька говорил, что маркиз де Вобан — самый выдающийся военный инженер всех времен и народов. Михаил, наш брат, с ним спорил. Откуда ты знаешь? Ты же не ездил по всему миру, только по Европе. А если вспомнить древнюю историю? Во все времена были выдающиеся военные инженеры, каждый старался для своей страны, для своих соотечественников. Лешенька хотел объездить весь мир, посмотреть крепости не только в Европе. Вобан участвовал в пятидесяти с лишним осадах и ста с лишним сражениях. Лешенька мечтал побить его рекорды, но... Его кумир Вобан прожил больше семидесяти лет, а Лешенька... Думаю, он не доживет до своего тридцать третьего дня рождения. И он уже, можно считать, мертв...

Мы живем в Санкт-Петербурге, но у нас есть три имени. Или уже больше? Мои предки — помещики, они никогда не были особо богатыми, но и не бедствовали. Богатым стал дед. Его дело продолжил отец. Теперь продолжает мой брат Михаил. Он вполне мог уже приобрести еще одно имение. Или не одно. Мне он не сообщает.

Наша семья изготавливает кирпичи. «СвиридовЪ» — вот это наши кирпичи. Дед это придумал: и первую, и

последнюю букву сделать заглавными. Наша фамилия стоит на самих кирпичках, на заводских бумагах, над входом во все наши заводы — и везде так пишется. Чтобы все сразу понимали: это те самые Свиридовы. Правда, я теперь Забелина. И дело Свиридовых будет продолжаться и уже продолжает наш брат Михаил и его дети. Не дети Алексея. Не мои дети. Не дети Степушки. Степушка — это наш самый младший брат. Хотя у Алексея детей нет и уже не будет. У Степушки еще нет, но надеюсь, что будут. А у меня есть сын от Забелина и... я беременна, как уже сказала. И еще неизвестно, сколько детей я рожу. И от кого.

Наша маменька родила одиннадцать детей. Алексей родился первым. Здоровый, крупный ребенок, никогда ничем не болел, пока... Проклятый сифилис! Вторым родился Михаил. Тоже здоровым и крепким. У них полтора года разницы, одни мать и отец, но они совсем не похожи друг на друга. Даже внешне не похожи! Алексей — красавец, в нашу маменьку. Михаил же пошел в отца. Во всем пошел в отца. Алексей — высокий, поджарый, как гончая, с военной выправкой. Михаил — плотно сложенного, каждый год прибавляет в весе, живот отрастил, как какой-нибудь купчина. А его жена... Господи, да она скоро ни в одну дверь войти не сможет! Алексей не успел жениться. Он то в одной войне участвовал, то в другой, Россия же все время с кем-то воюет, а если не воюет, то наши солдаты принимают участие в каких-то «кампаниях». Вот и Лешенька принимал — строил и перестраивал крепости, осады организовывал, кого-то обучал, учился сам. По Европе он много путешествовал. Правда, это были не традиционные путешествия, не такие, в которые хотелось бы отправиться мне — посмотреть тот же Париж, Рим, Афины. Я всегда любила мифы Древней Греции. Мне хотелось бы побывать на той земле, где жили греческие боги и герои... Смогу ли я куда-

нибудь когда-нибудь поехать? Или меня запрут в нашем самом дальнем имении? Том самом, которое стало моим приданым? Вообще-то это мое имение. И доход с него получаю я. Забелин получает жалованье, оплачивает содержание городского дома (моего), слуг, лошадей, гувернантку нашему сыночку. Меня содержит. Многие наши слуги — крепостные, но мои родители всегда учили нас уважительно относиться к людям. Кое-кому они дали вольную, но и к тем, кому не дали, они всегда относились как к людям, а не рабам.

Нянюшка до сих пор крепостная. Алексей хотел дать ей вольную. Зачем мне вольная? — спросила она. Позвольте мне дожить рядом с вами свой век, деток ваших понынчить. Нянюшка переехала со мной в купленный отцом дом. Конюх там забелинский и кучер забелинский — это его бывшие солдаты, легко раненные, но способные выполнять возложенные на них обязанности. Они еще по дому много разных работ выполняют. Надо же дрова привозить, колоть. Воду возить. Может, я неправильно назвала их конюхом и кучером? Но я так привыкла. Оба женились на горничных, девках из моего имения, привезенных в город. Еще у нас есть повариха и дворецкий. Вы, надеюсь, поняли, что у меня довольно большой дом.

Именно у меня. Это все Лешенька. Я опять смотрю на него и плачу. Идея была Лешенькина, а отец сразу же согласился, поняв, что Леша прав. И Михаил в кои-то веки сразу же согласился. Но семья для Михаила — святое. Семья должна смыкать ряды, всегда стоять за своих и защищать свои интересы. Он считал, что у Забелина вообще только один плюс — графский титул. Да, еще герой войны, что очень высоко ценилось тогда, когда я выходила за него замуж. Блестящий офицер, получавший награды лично от государя-императора. Потом Михаил говорил, что и его «секретная служба» — это тоже плюс. Не сама служба, а приближенность к императору.

Но вообще — голытьба. Это он, конечно, преувеличивал, но если сравнивать с нашей семьей... Да, голытьба. Но хоть долгов не было. Имелось небольшое имение. Совсем небольшое. Но Александр Андреевич Забелин происходит из семьи потомственных военных и не мыслит своей жизни без службы царю и Отечеству. Мой брат Алексей тоже хотел служить Отечеству, хотя профессиональных военных в нашем роду не было никогда. В Алексее, думаю, соединилось это желание с наследственной тягой к строительству.

Мой дед основал первый кирпичный заводик — на территории одного из наших имений. Самого старшего имения на Новгородчине, которое принадлежало еще его прадеду. Или прапрадеду? То есть та земля находится во владении нашей семьи уже несколько веков. Представляете? Несколько веков! У нас древний род, пусть и не такой благородный, как у Забелина. Мои предки давно хотели выдать дочь за графа или женить сына на графской или княжеской дочке. Лучше, конечно, дочь выдать — чтобы стала графиней, и титул перешел к ее детям. Хотя фамилия будет другая, но все равно — графы в семье получают. А остальные — родственники графов, им уже проще будет найти хорошую партию. В особенности с нашими деньгами. Почему-то так выходит, что многие титулованные господа весьма небогаты, а если получили хорошее наследство, то проиграли, пропили, спустили... на что-нибудь. А наши, помещики, наоборот, копят и копят денежки, прирастают землей, домами, лошадьми, борзыми, прочим имуществом. Хотя стараются найти для своих дочерей мужа с титулом. Конечно, смотрят, не гуляка ли, не пьяница ли, играет или не играет в карты или кости. В Санкт-Петербурге даже есть специальные брачные агенты. Они не организуют браки, как можно было бы подумать, судя по названию. Они выясняют истинное финансовое положение семьи, отца, за

сына которого кто-то хочет выдать дочь. Если женят сына, обычно не привлекают агентов — там родители сразу сообщают о приданом. И семью-то сыну содержать. А вот в случае дочери выясняют. Такого агента нанимал мой отец.

И у меня получилось выйти за графа. Не семье выдать меня, а мне выйти за графа! Отец вначале был против моего замужества с Забелиным, пусть и графом. Потому что голытьба. А потом Лешенька подал идею — и отец согласился.

Они еще посоветовались с юристами и все оформили должным образом. С Забелиным разговаривал Алексей. Я не знаю, как это все переварил мой муж, тогда еще будущий муж. В английском языке есть такая поговорка: бедные не выбирают. В русском ей соответствует «Бедному да вору всякая одежда впору». Про Александра Андреевича так, конечно, не скажешь, для него это было бы оскорблением. Он точно не вор. Он благородного происхождения. Но только в нашей истории сколько бедных или обедневших мужчин женились на девушках с хорошим приданым? Не он первый, не он последний. И он вообще не играет в карты, не транжирит то небольшое, что получил в наследство. Да ведь и герой войны, а это в России много значит. И армия — это его жизнь. Как я уже говорила, он из потомственных военных. До генерала не дослужится, но... В случае развода он не получит ничего. Все останется за мной. Вообще мое — это мое. И «мое» перейдет моим детям — от Забелина и не от Забелина. Мне так объясняли. Когда девушка входит в семью мужа, ее приданое не становится собственностью мужа. И не становится их общей собственностью. Супруги в Российской империи владеют имуществом раздельно. Приданое замужней женщины принадлежит только ей и ее детям. Муж без согласия жены не может им распоряжаться. На имущество женщины наложено

табу. Такой указ в свое время принял еще наш государь Петр Алексеевич. Еще в 1714 году! В соответствии с ним приданое женщины — это ее личная собственность. И с середины восемнадцатого века женщины в России могут продавать и закладывать свои имения. Еще собственностью женщины является наследство, полученное в дар и купленное ею самой.

Но это на бумаге. У нас прогрессивные законы, но патриархальное общество. На женщину у нас смотрят как на неполноценного человека. Мало кто признает, что женщина сама способна покупать, продавать, закладывать. И еще по нашим законам жена подчинена мужу.

И вот тут-то мои брат с отцом как раз и оформили всё выгодным для меня и для всей нашей семьи Свиридовым образом. Мое приданое осталось в управлении Свиридовых. Сейчас им управляет мой брат Михаил. То есть осуществляет общее руководство. Управляю я. Меня этому с детства обучали. Забелин не получает ничего с моего имения. С другой стороны, он знает, что наш сын Андрюшенька и другие дети, если родятся (теперь это под большим вопросом), унаследуют имущество Свиридовых, которое считается моим.

Хотя чаще приданым управляет муж, и неоднократно бывали случаи, когда мужья пускали подобные капиталы в оборот. А уж искушение это сделать испытывали все или почти все.

По закону, как я уже говорила, муж ни при каких обстоятельствах не имеет права воспользоваться имуществом жены без ее согласия. А в нашем случае — без согласия моего отца и братьев, которые следили и следят за нашим, свиридовским имуществом. Была составлена так называемая «ропись приданого».

И еще по российским законам муж должен содержать жену. Вот Забелин и содержит, а наше свиридовское богатство растет. Под моим управлением, под

управлением Михаила. Эти деньги тратятся только на приобретение новых земель, новых имений. То есть пока я успела (по решению Михаила) приобрести небольшой кусок земли рядом с тем моим имением, которое стало моим приданым. И я была в Забелина влюблена. На самом деле влюблена. Да и он, пожалуй, тоже. Разве не приятно мужчине, когда на него так смотрит молодая красавица? Да еще из богатой семьи? Да еще и младшая сестра друга?

Хотя в последние годы жалованье Забелина постоянно растет. Может, он и пошел на эту секретную службы ради увеличения дохода? И может, это совсем не секретная служба, а он выполняет какие-то деликатные поручения богатых и высокопоставленных господ за высокие гонорары?

В Великобритании в январе скончался Георг III, престол перешел к его сыну Георгу IV. Александр Андреевич точно был в Англии зимой. Что он там делал? В какой роли он там появлялся? Какие поручения выполнял? Мне он привез творение Пола Сторра — невероятной красоты блюдо. Забелин сказал, что это самый знаменитый ювелир, который делает посуду для королей. На самом деле блюдо достойно королевского или императорского стола. У нас оно выставлено в стеклянном шкафу с другой посудой и превосходит все, что там есть. Еще привез мне ожерелье и браслет в неогреческом стиле. Ты же любишь мифы Древней Греции, Лиза? Они сейчас очень популярны в Англии, и древнегреческие мотивы используются в искусстве, ювелирном деле, строительстве. Например, портреты аристократов пишут не в мундирах и не в роскошных платьях, а в образе древнегреческих богов и богинь. В соответствующих одеяниях. Может, закажем твой портрет в образе Афродиты? Я удивилась, что он знает, кто такая Афродита. Или узнал в Англии? Хотя яблоко получила она. Я бы тоже выбрала

для себя образ Афродиты, если бы пришлось выбирать из греческих богинь.

Значит, деньги у него теперь есть. В карты он не играет, как я уже говорила, не пьет, то есть, конечно, может выпить вина, но в хлам не напивается никогда. В общем, ни деньги, ни имущество не пропьет и не проиграет.

Но дом мой. И то маленькое имение мое. Хотя деньгами теперь управляет Михаил. А Михаил вполне может сослать меня из Санкт-Петербурга в это далекое имение...

Если только я не решу вопрос сама.

Господи, ну почему это случилось с Лешенькой?!

Глава 3

— Произошел взрыв, — сообщил Виталий Иванович, когда его шофер тронулся с места. — Деталей я пока не знаю. Всех, кого нужно, ребята вызвали. И сейчас к вашей квартире еще подъедут люди из Следственного комитета.

— Моя квартира взорвалась? — уточнил Костя без всякого трагизма в голосе. Как я уже говорила, он легко относится к материальному. Но в квартире лежат две ценные гитары и многочисленные записи, состояние которых Костю очень волновало.

— Взорвалась дверь.

— Входная дверь в мою квартиру? И все? Ну и плевать на нее. Новую поставлю. — Костя на мгновение задумался. — Дом восемнадцатого века. Не должен бы обрушиться. Вот если бы у Наташи дверь взорвалась...

Внезапно Костя замолчал.

— Пожар? — спросил он после непродолжительной паузы. — Мой архив? Господи, почему я не отвез его в гараж? Почему я не разделил его на несколько частей?

— Про пожар мне ничего не сказали. Мне сказали, что есть человеческие жертвы, — сообщил Виталий Иванович. — Давайте сами приедем на место и... посмотрим. Я не люблю сообщать людям не проверенную мной лично информацию, в особенности печальную информацию. В таких случаях, как я считаю, нужно знать точно.

Я была согласна с председателем суда.

— В квартире кто-то находился? — поинтересовалась я.

Виталий Иванович покачал головой.

— Ваша... знакомая, — он долго подбирал наиболее подходящее слово, — съехала. Это видели соседи. Их сейчас опрашивают. Она с ними даже попрощалась. Несла рюкзак и сумку. Похоже, что перед тем, как покинуть вас навсегда, она решила оставить вам «подарок». Кто же знал, что вместо вас туда поедут другие люди?

— Она хотела убить Костю?! — закричала я.

«Какая гадина», — добавила про себя. Просто гадина, и не только потому, что увела у меня мужа. Судя по уже имеющейся у меня информации — да. Он должен был открыть дверь — и...

Что нужно было этой дряни? И почему она решила именно сегодня подложить взрывное устройство?

Хотя мне в голову тут же пришел ответ. Убить, чтоб никому не достался, раз очнулся и захотел снова на мне жениться. Ведь кто-то явно вел репортажи прямо из зала суда — в режиме онлайн. Лилька прекрасно знала, что сегодня Костя должен был делить со мной имущество в суде. Сама она не решилась появиться. Ведь явно знала, как к ней относятся Костины друзья и родственники. А ведь ее, похоже, невзлюбили все. Надо будет потом поговорить со свекровью и музыкантами. Мне свекровь у меня дома пыталась расска-

зывать, какая Лилька дрянь, но я не хотела про нее ничего слушать. Вообще ничего — даже как ее помоями поливают. Я просто воздвигла экран — и теперь не знала про нее ничего.

Сегодня Лилька в режиме онлайн увидела, как Костя «прозрел». Поэтому ей потребовалось срочно съезжать.

— Костя, когда ты эту Лилю в последний раз видел? — спросила я.

— Вы во сколько сегодня уехали из дома, Константин Алексеевич?

Костя ответил, что сегодня не успел заехать домой вообще. Он приехал в суд прямо из аэропорта. Был на гастролях, даже пришлось один частный концерт перенести (Костя клятвенно обещал, что отработает). Вчера вечером позвонил помощник Александра Моисеевича и сказал, что на сегодня назначен суд, на котором Костя должен присутствовать лично. Костя даже не понял, что едет делить со мной имущество: он краем уха услышал, что какой-то имущественный спор — и вникать не стал. Для этого адвокаты имеются. Александр Моисеевич с помощником все обеспечат. Он только понял, что лично нужно прибыть. Вот они сегодня утром и загрузились всей честной компанией в самолет и прилетели в Питер. И прямо из аэропорта — в суд.

«Вот пелена и спала, — подумала я. — Лилька не успела ничего сегодня подмешать и никак воздействовать Косте на подсознание. А за время гастролей действие той дури, которую она использовала, ослабло. Она же явно имеет срок действия. Только бы все это в дальнейшем не сказалось на Костином здоровье!»

— Вас не удивило такое количество народа в суде и перед зданием? — уточнил Виталий Иванович.

— Обычное дело, — пожал плечами Костя.

— Вы еще участвовали в каких-то имущественных спорах?

— У Моисеича спросите. Или лучше у Гришки. Это его помощник. Они вам лучше меня все объяснят. И к адвокатам перенаправят, которые все наши дела ведут. Каждый должен заниматься своим делом. Я творчеством занимаюсь и в судебные дела не вникаю. Говорят: надо присутствовать — присутствую. Подписываю там, куда адвокат пальцем ткнет.

— И вы не помните, что подавали иск на раздел имущества с Натальей Геннадьевной?

— Я никогда не стал бы этого делать. Даже если бы мы на самом деле развелись. Ну... я имею в виду: если бы не сложилось или надоели друг другу. Костя взял мою руку в свою, поднес пальцы к губам и поцеловал.

— Но вы подписали документы.

— Не читая.

— Хорошо, вы доверяете адвокату. Но ведь кто-то должен был дать ему поручение такие бумаги подготовить. Он же не по собственной инициативе это сделал, — заметил Виталий Иванович.

— Эээ... — протянул Костя.

Я достала из сумки телефон, позвонила Александру Моисеевичу и объяснила, что мы сейчас обсуждаем.

— Уточню, — сказал он. — По своей инициативе не мог. Но ведь Костя же многого не помнит.

— Адвокат стал бы выполнять поручение этой Лили? — спросил Виталий Иванович.

Продюсер на мгновение задумался, потом ответил:

— Именно такое мог бы выполнить. Все же знали, что Костя расстался с Наташей, сейчас живет с Лилей, и надо урегулировать вопрос с особняком. Если не ошибаюсь, в течение трех лет после развода надо урегулировать имущественные споры. Не урегулировали — каждый остается с тем, что на него записано.

— Так земля на меня, — сказал Костя. — А дом еще не достроен. Моисеич, дом вроде еще не оформлен? Он же строится. Сейчас стройка заморожена. И почему кот оказался в иске?

— Не спрашивай меня сейчас больше ни о чем. Не знаю. Спрошу у адвоката.

Виталий Иванович попросил передать адвокату просьбу связаться с ним. Потом он его перенаправит к коллегам из Следственного комитета, которые будут заниматься этим делом. То есть несколькими делами.

— Как вы познакомились с этой Лилей? — спросил Виталий Иванович.

Костя задумался, потом ответил:

— Не помню.

— А как с Наташей познакомились, помните?

Костя повернулся ко мне, снова взял мою руку в свою, мы встретились глазами и улыбнулись друг другу.

— Как с Наташей — помню.

* * *

Я тогда вышла в ближайший сетевой магазин за продуктами. Взяла только кошелек с небольшой суммой наличных и джинсовый мешок — я его использую для таких походов. И внезапно стала свидетелем жуткой сцены — проезжую часть пытался перебежать кот. Масса водителей в таких случаях тормозит, а эта сволочь как будто специально задела его крылом. Кот с диким душераздирающим криком отлетел на газон, который отделяет проезжую часть от тротуара. Забыв про магазин, я бросилась к животному.

Кот был жив, но явно получил травмы. Я не могла с ходу определить какие. На бело-рыжей шубке выступила кровь. «Так, среда, — прикинула я. — Дежурит

наш ветеринар». Я подвела под кота свой джинсовый мешок, подхватила его на руки, вернее, на одну руку, а второй стала голосовать. Бежать к моей машине было некогда.

Остановился Костя. Вообще он, как потом мне говорил, никогда никого не подвозит. Он же прекрасно знает, что так поклонницы пытаются пробиться в его машину. Но я не походила на одну из таких поклонниц, и у меня в руках был окровавленный бело-рыжий зверь.

— Ветеринарная клиника. — Я назвала адрес.

— Точно в эту? — спросил Костя.

— Точно. Телефон достаньте, пожалуйста, у меня из кармана.

Я позвонила нашему ветеринару, быстро описала ситуацию. К счастью, она прямо сейчас была свободна и сказала, что ждет нас.

Костя пошел вслед за мной в клинику.

— Я вам двери буду открывать, — сказал он.

Я предлагала деньги за то, что подвез. Он отказался. И тогда понял, что я не знаю, кто он. А я поняла, что мне не хватит денег, чтобы заплатить за операцию. Я же за продуктами шла. Карточку не взяла. За продукты обычно плачу наличными — так не наберешь лишнего, а то с карточки все спустить можно. Наличные же видишь и держишь в руках. Это останавливает от «эмоциональных» покупок. По крайней мере, меня.

Я сказала ветеринару, что мне нужно съездить домой за деньгами. Она меня знает много лет, лечила всех животных, которые у меня были и есть, и у нее не могло возникнуть сомнений, что я вернусь.

Костя слышал, о чем мы говорили, и объявил, что оплатит операцию.

— Я не могу вам этого позволить!

— Почему? — удивленно посмотрел он на меня. — Это же не ваш кот, но вы его спасаете. Считайте, что я принимаю участие в спасении бездомного животного. Я могу принять участие только деньгами — как если бы пожертвовал приюту. А вы ведь его потом будете выхаживать, оставите у себя или найдете ему семью. Так?

Я кивнула. И в тот момент впервые рассмотрела глаза этого мужика — цвета моря в ненастную погоду. Красивые и очень выразительные глаза. А вообще передо мной стоял совершенно обычный мужчина: роста где-то метр семьдесят пять или шесть. Сухощавый, но с крепкими мускулистыми руками. Одет был в потертые джинсы и свободный свитер, из-под которого виднелся расстегнутый ворот рубашки без галстука, на ногах — дорогие и очень удобные кроссовки. И машина дорогая. Вроде простой, но не простоватый. Так одеваются люди, которые знают, чего они стоят. Им не нужно себя «показывать» одеждой. Им нужно, чтобы им самим было в этой одежде удобно и комфортно. Но я с ходу не могла определить из какого он «социального слоя», да меня это и не интересовало.

Коту сделали операцию. Мы сидели в клинике (больше никого не было — время «не ходовое») и разговаривали. Мне сразу же стало легко общаться с Костей, а ему со мной. Нашлось столько общих тем...

Кота я забрала выхаживать домой. Костя проводил нас до квартиры, но в квартиру зайти отказался. Приехал через день проведать кота (он так сказал), привез много еды — и мне, и коту. Юльки тогда дома не было. Я тогда впервые увидела татуировки, но решила, что вроде не зековские. А если и зековские? По статистике, у нас в стране каждый третий мужчина сидел. На Костю произвела большое впечатление моя оранжерея. «Никогда не видел столько кактусов и столько

алоэ одновременно», — признался он. Я ответила, что их у меня было бы больше, если бы позволяла площадь. Я рассказала, что еще «мои» растения стоят в двух салонах цветов. Костя просто сказал, что занимается музыкой — без уточнений. Хотя спросил, хожу ли я на какие-нибудь концерты. Я сказала, что не хожу, мне медведь на ухо наступил, в музыке я вообще ничего не понимаю. «Танец маленьких лебедей», конечно, узнаю, но этим, пожалуй, и заканчивается мое знакомство с классикой. Современная эстрада меня никогда ни привлекала, в общем, этот пласт культуры как-то выпал из моего образования. Мои предки растениеводством и плодоводством занимались, и я увлекаюсь растениями с детства.

Кот поправился. Он оказался молодым (ветеринар решила, что ему лет пять) и в общем здоровым. И явно домашним. Потом бабки в нашем дворе сказали мне, что в двух соседних домах умерли их знакомые. Коты были и у той, и у другой. Возможно, родственники одной из них выбросили на улицу ненужное им животное.

Претендентов на кота не нашлось, никто объявлений не вывешивал, да я и не собиралась его пристраивать. После того, как посидишь с животным ночами, прислушиваясь, дышит или нет, повозишь каждый день в клинику, оторвать его от себя невозможно. И к двум моим кошкам прибавился Филька. У нашего ветеринара таких уже четверо. Взяла выхаживать — и остались.

А у меня в жизни появился Костя. И остался в ней. На два с половиной года.

Потом...

Не будем вспоминать про «потом». Главное — сейчас. Мы снова вместе. Мы снова муж и жена.

Из дневника Елизаветы Алексеевны, 1820 год

Я обещала рассказать про нашу семью, но все время отвлекаюсь. Хотя я ведь про нее и рассказываю, правда? Вы поняли, что нас, Свиридовых, было четверо детей: Алексей, Михаил, я и Степушка. Остальные умерли. После Степушки доктор сказал маменьке, что рожать больше нельзя, и они с папенькой разъехались по разным комнатам. Я в детстве мало видела папеньку — он разъезжал по уже имевшимся кирпичным заводам и строил новые.

Это все дед придумал. В смысле, кирпичи делать. Строить заводы там, где люди начинают селиться. Вы по русским дорогам ездили? Ну, тогда понимаете, что кирпичи на дальние расстояния отвезти невозможно. И не только дальние. Они бьются. Не довести. И как только люди ни изощрялись — бесполезно! Их прокладывали овчиной, каждый кирпич тряпкой оборачивали, но они все равно бились и трескались. А расходы? А время? И сколько подвод нужно? Пока они едут к месту, пока порожняком обратно... Лошадей кормить, кучеров кормить...

Гораздо дешевле построить небольшой заводик.

И наш дед построил. Потом еще один, и еще, и еще. В таких местах и появились три наших имения. Одно из них предназначалось Алексею, второе Михаилу, третье мне в приданое. Потом появился Степушка. Но Степушка родился уже в Санкт-Петербурге, в особнячке, купленном отцом. Он курсирует между тем домом, где я жила девушкой и откуда с маменькой выезжала на балы, и этой квартирой, в которой я пишу дневник. Эта квартира Лешеньки. Он сам ее купил. Степушка тоже любит Лешеньку. И меня. И не ладит с Михаилом. Я не знаю, где будет жить Степушка, когда женится. Если вообще женится. Наверное, снимет квартиру, как

вначале снимал Алексей. Потом отец дал ему денег на покупку вот этой. Именем Алексея управляет Михаил. Боюсь, что Степушке оно не перейдет... Хотя Алексей оформил его в дар Степушке. Но им продолжает управлять Михаил! Степушка не может и не хочет. И сколько денег ушло на докторов... Весь Лешенькин доход от того имения ушел на докторов. Все накопления. И я отдавала свой. У меня муж есть! Муж обязан содержать жену. Вот он меня и содержал. Забелин знал, что я свои деньги не на наряды трачу, а на брата, он же — его друг. После смерти родителей их особняк занял Михаил со своей женой и детьми. У них есть и имение под Петербургом, как я говорила, и дом, приобретенный Михаилом, который сейчас сдается внаем, разделенный на несколько квартир. Тесть у него — купец, на приданое за свою супругу Михаил очередной завод построил — с согласия и жены, и тестя. Она принесла в качестве приданого капитал, Михаил пустил его в дело. Значит, получается, что завод ее? В любом случае он потом перейдет кому-то из детей Михаила. Его жена опять беременна.

Михаил недавно куда-то на восток от Петербурга ездил. Про Сибирь говорит. И материком в южной части Земли интересуется. Может, Российская империя пошлет своих сынов в эти самые холодные земли селиться и осваивать? Никто же пока не знает, можно там жить или нельзя. А если можно, они же не повезут туда кирпичи из Санкт-Петербурга. В Сибири точно можно жить и хлеб сеять можно. И опять же кирпичи из Санкт-Петербурга туда не повезут. Не довезут! Ни морем на Южный полюс, ни на подводах в Сибирь. Сколько кораблей надо кирпичами нагрузить? Утонут еще. Или в шторм кирпичи разобьются. На наших дорогах точно разобьются. Они всегда бьются, даже на малых расстояниях. Поэтому наша семья и прирастает все новыми и новыми заводиками.

Сейчас все ждуют возвращения господ Беллинсгаузена и Лазарева. Ну, не все, конечно... Наша семья ждет. Михаил ждет, я жду — по другим причинам. Михаил хочет поговорить с членами их экспедиции и тогда уже решать, где кирпичные заводы лучше строить — в Сибири или на Южном полюсе. Для меня все едино — и та земля, и другая далеко, и холодно там очень. Туда я не хочу. Я хочу в Европу. Надеюсь, что у Михаила не возникнет желания сослать меня в Сибирь или на Южный полюс, если я не решу свой вопрос, а Михаил решит там строить кирпичные заводы для того, чтобы другие в свою очередь строили дома? Хотя бы потому, что нам там пока ничего не принадлежит. Не успел он еще землю купить ни в Сибири, ни на этом неизведанном материке в южной части Земли. Или там и покупать не надо? Бери, хватай, что можешь и успеешь. Хотя вроде большого количества желающих нет. Вроде в Сибирь у нас добровольно не едут? Но Михаил мне сказал, что стоит потратить получаемые мною с имения доходы на приобретение новых земель и строительство новых заводов. Как он потратил капитал — приданое своей жены. Вообще-то в этом деле я Михаилу доверяю. Но я не люблю его. Я всегда любила Алексея и Степушку, но не Михаила.

К Южному полюсу, в отличие от Сибири, люди отправились добровольно. Я знаю, что наши моряки в 1819 году обратились к государю с подробным планом экспедиции. Хотя идея давно витала в воздухе. Александр Павлович идею одобрил. За дело взялись энергично — Александр Павлович увидел в этой экспедиции продолжение великих дел Петра Алексеевича, основавшего наш город Санкт-Петербург. К Южному полюсу отправились два шлюпа, специально укрепленных для схваток со льдами нашими инженерами — чтобы доказать или опровергнуть существование шестого материка, о ко-